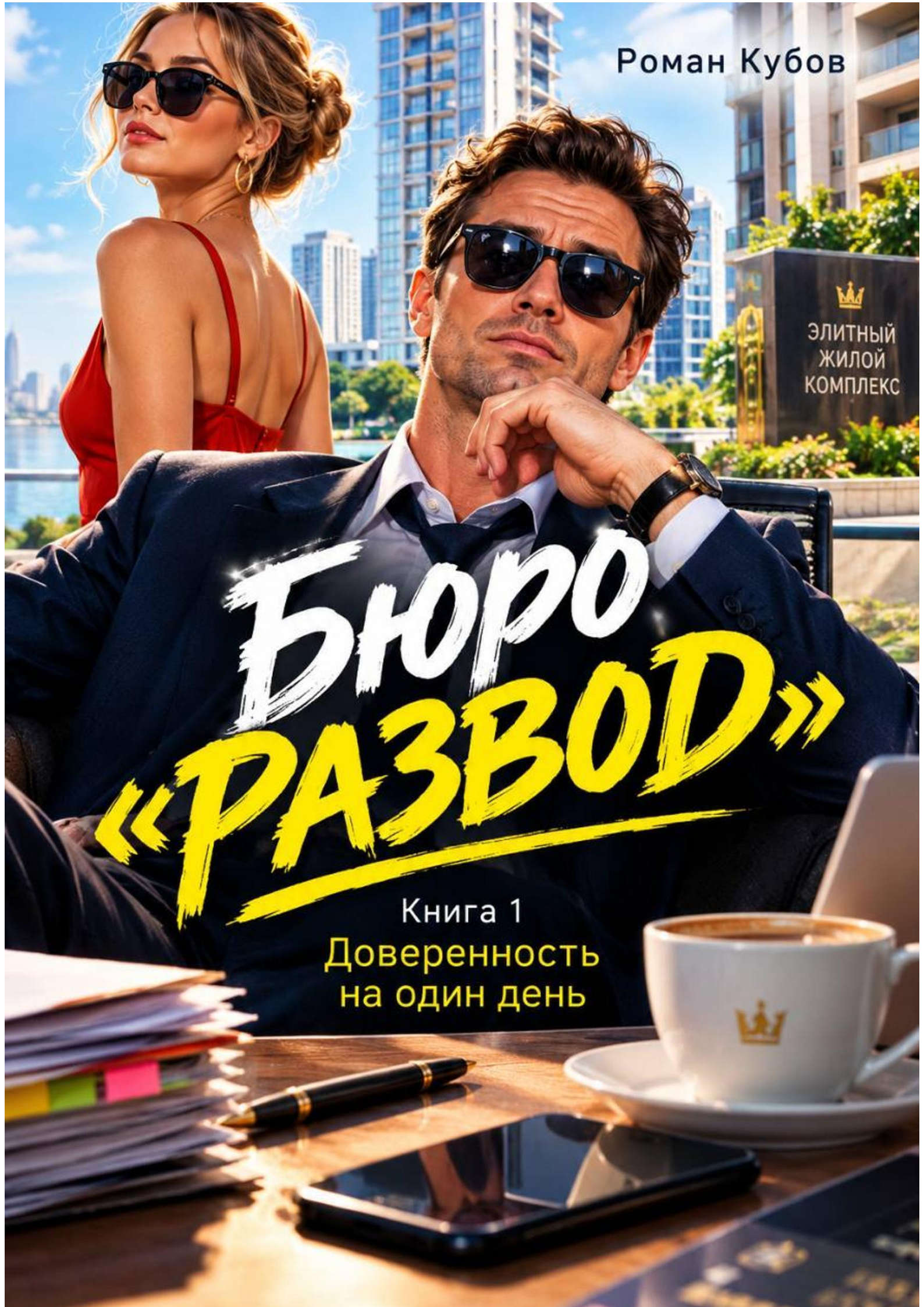

Роман Кубов

ЭЛИТНЫЙ
ЖИЛОЙ
КОМПЛЕКС

Бюро «РАЗВОД»

Книга 1
Доверенность
на один день

Роман Кубов

Доверенность на один день

«Автор»

2026

Кубов Р.

Доверенность на один день / Р. Кубов — «Автор», 2026

Кира Мещерякова четыре года назад сама написала брачный договор, который оставил её ни с чем. Теперь у неё своё бюро, сорок папок на полке и сорок дней до пустой кассы: она берёт только те дела, от которых отказались все, и никогда не берёт больше, чем может выиграть. Варвара приходит с конвертом, в котором сорок тысяч, и с просьбой, которую больше никто не слышит: вернуть ателье, которое она строила четырнадцать лет. Бумаги чистые, подписи настоящие, и единственный человек, который знает, где в них спрятана неправда, — аудитор Данила, четыре года работавший на бывшего мужа Киры. У них шесть недель, двадцать восемь свидетельниц, которые боятся потерять работу, и один нотариус, который держит чужое и берёт со всех поровну. И один вопрос, на который Кира боится ответить вслух: можно ли доверить дело человеку, который однажды уже продал тебя, и остаться той, кто задаёт вопросы.

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Клиентка	7
Глава 2. Человек с той стороны	10
Глава 3. Сделка	15
Глава 4. Ставка	20
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Роман Кубов

Доверенность на один день

Пролог

Двенадцатое сентября, четверг. Двадцать три сорок.

На восемнадцатом этаже «Паруса» ночью светится один кабинет — мой. Уборщица в оранжевом жилете прошла мимо дважды и больше не заходила: она привыкла, что на этом этаже люди есть всегда, просто они не разговаривают.

Я разбирал чужие деньги.

Работа нудная, платят за неё хорошо, и за восемь лет она научила меня одному. Крупные суммы не прячут. Их переписывают. Деньги не уезжают за границу — они переходят из графы «моё» в графу «ничьё» и лежат там спокойно, пока кто-нибудь не догадается прочитывать договор не по диагонали.

Клиент был скучный: логистика, лизинг, семьдесят миллионов долга, тридцать одна позиция в реестре. Я шёл по цепочке и зевал. На двадцать второй позиции зевнуть не получилось.

Двадцать вторая позиция называлась «Меридиан-Сервис».

Я искал эту компанию четыре года.

Сначала как аудитор, потом как человек, который ушёл из найма и привык копать в одиночку. Я выкупал выписки из своего кошелька — всего на сорок семь тысяч, я помню эту сумму, потому что платил её частями, по две тысячи, и каждый раз думал, что последняя. Я ездил в область, в районный архив, где картотеку вела женщина, которая путала годы и всё равно нашла мне нужную папку раньше, чем я успел попросить.

Ничего. Четыре года и сорок семь тысяч.

Сначала я искал её как аудитор, потом как человек, который ушёл из найма и привык копать один. Я проверял её по всем базам, к которым у меня был доступ, и по тем, к которым доступа не было. Я спрашивал о ней у людей, которые отвечали мне честно. Я ставил на неё четыре года — не денег, времени.

А она всё это время лежала в выписке по чужому долгу, девятнадцатой или двадцатой строчкой, между складом в Твери и двумя фурами в лизинге.

Я выпрямился. В кабинете было тихо, слышно, как внизу по набережной идёт фура — третья за час, они ходят ночью, днём мост стоит. На экране светилась схема: ателье «Катушка» — две точки, сорок два миллиона — уходило в «Катушка-Плюс», та уходила в закрытый паевой фонд «Меридиан-Сервис», а у фонда был бенефициар, которого в выписке не показывали.

Бенефициара я знал и так.

В графе «основание» висел договор о передаче доли. Я открыл его. Подпись — Мельгунов. Дата — пятое ноября.

Пятое ноября, год за два до этой выписки.

Мельгунов умер третьего ноября, в девятнадцать сорок.

У него был инфаркт на собственной кухне. Он лежал на полу сорок минут, пока соседка не постучала — она пришла за солью и не ушла. Я узнал про эти сорок минут через две недели и с тех пор считаю их всякий раз, когда опаздываю.

Моя должность называется «старший аудитор». На деле я делаю одну вещь: нахожу имущество раньше, чем его успеют поделить. Я его не прячу — я показываю, где оно будет лежать надёжнее. Подписывают другие. За четыре года я не поставил ни одной подписи под документом, который не показал бы любому проверяющему; граница у меня одна, и она эта.

Я помню, как узнал. Я тогда ещё работал в найме, сидел над отчётом по проверке, которая рассыпалась сама, и телефон лежал экраном вниз, потому что я не хотел отвлекаться. Юрий Валерьевич звонил мне дважды в тот день. Я перезвонил на следующее утро — уже не ему.

Он учил меня читать договоры. Это единственное ремесло, которое я у него взял и которым кормлюсь. Он говорил: смотри не на сумму, смотри на дату. Сумму рисуют для налоговой, дату ставят для себя.

Дата была поставлена через два дня после того, как он умер.

Я достал телефон и сфотографировал экран без вспышки. Вспышка на стекле даёт блик, блик съедает половину цифры, а мне нужна была именно цифра. Потом приложил палец к монитору и обвёл дату — старая привычка, она осталась у меня с первой работы: пока палец на бумаге, ты не пропустишь строку.

Потом я дошёл до конца выписки, до самой скучной её части, где перечисляют владельцев.

Ателье принадлежало Варваре Кольцовой.

Тридцать шесть лет. Десять лет работы, две точки, сорок два миллиона, двадцать восемь человек в штате — и всё это записано на человека, у которого я работаю, на его фамилию, через фонд, где расписался мёртвый.

Кольцов разводился с ней. Об этом знал весь восемнадцатый этаж, потому что Филипп Дорохов уже неделю носил по кабинетам папку с пометкой «личное» и никому её не показывал.

Я закрыл выписку.

Четыре года я искал компанию, а нашёл женщину, которую мой работодатель собирался развести так, как он это умеет: быстро, вежливо и до нитки.

Внизу по набережной прошла четвёртая фура.

Я выключил свет, надел куртку и пошёл к лифту, оставив на столе всё, что там лежало: сорок страниц чужой логистики, пустой стакан и выписку, которую я не распечатал и не отправил никуда, кроме своего телефона.

До утра было девять часов. Я знал, что их потрачу.

Глава 1. Клиентка

Тринадцатое сентября, пятница. Девять утра.

Наше бюро помещается на втором этаже бывшего дома быта, и это лучшее помещение, которое мы могли себе позволить: три комнаты, окна во двор, запах кофе и крахмала — из ателье на первом этаже, где гладят. Аренда — девяносто шесть тысяч в месяц. Я знаю эту цифру наизусть и знаю, сколько дней мы протянем, если не возьмём ни одного дела: сорок один.

Вывески у нас нет, только табличка у двери. Клиентки находят нас так, как находят хорошего врача: по чужой рекомендации, после того как всё остальное уже случилось.

В то утро в приёмной пахло капустой.

— Зоя Ильинична, — сказала я. — Опять.

— Опять, — сказала Зоя Ильинична. Она поставила на край моего стола противень и сдёрнула с него полотенце. — Ешьте. Вы с лица спали.

— Я не спала с лица. Я с лица работаю.

— С лица у вас три года одно и то же, — сказала Зоя Ильинична. — Я вас четыре года назад другой видела. Ешьте.

Зоя Ильинична семьдесят один, и она была нашей первой клиенткой: бюро тогда только открылось, — она тогда выиграла комнату в коммуналке и с тех пор считает, что должна нас кормить. Я не спорю: спорить с ней дольше, чем съесть.

Я взяла пирог, потому что в пятницу утром у меня была одна запись в журнале, и запись была пустая.

Ника сунула голову в кабинет.

— Там к вам. Без записи.

— Я никого не жду.

— Она говорит, вы её ждёте, — сказала Ника. — Четыре года.

Я подняла глаза.

Четыре года назад я открыла почту в восемь утра и увидела письмо, адресованное Артуру. Оно начиналось со слов «Артур, я больше не могу ждать». Дальше было две строки про то, что он обещал, и одна — про то, что она устала делить его с работой. Она нажала «ответить всем» по ошибке, и ошибка была такой человеческой, что я до сих пор не знаю, была ли это ошибка.

Я прочитала письмо дважды. Потом открыла свой брачный договор — тот, который сама настояла подписать, — и дошла до третьей страницы, которую не читала ни разу за четыре года. Пункт седьмой. Я помню его наизусть: «имущество, приобретённое в браке, считается собственностью того супруга, на имя которого оно оформлено». Я сама настояла на этом пункте. Он казался мне прогрессивным.

Она стояла в дверях приёмной, в сером пальто, которое я помнила, — тогда оно было ей велико, а теперь сидело как раз. Варвара Кольцова. Тридцать шесть лет. Пять лет замужем за моим бывшим мужем и четыре года с того дня, когда я открыла собственную почту и нашла письмо, которое она мне не отправляла: она отправила его Артуру, а он, по рассеянности или нет, нажал «ответить всем».

— Можно? — спросила Варвара.

— Садитесь, — сказала я.

Она села. Положила на колени сумку, потом переставила её на пол, потому что сумка была тяжёлая и держать её на коленях было неловко.

— Вы меня помните, — сказала она.

— Помню.

— Я думала, вы не откроете.

— Я ещё не решила, — сказала я. — У нас правило: мы берём дела тех, кто слабее. Вы не выглядите слабее.

— А я и не слабее, — сказала Варвара. — Я просто без денег. Это не одно и то же, я проверяла.

Она достала из сумки папку — тонкую, из тех, что продают в канцелярии на углу, за сорок восемь рублей.

— У меня ателье. «Катушка». Две точки, двадцать восемь человек, сорок два миллиона по оценке, которую делали в мае. Десять лет. Я его с нуля собрала, с одной машинки, которую купила на деньги от продажи бабушкиной дачи.

Она рассказывала ровно, без жалоб, и я это отметила: женщина, которая жалеет себя, говорит иначе.

— Пять лет назад я вышла замуж. Через четыре месяца он сказал, что ателье надо переоформить — налоги, проверки, что-то там ещё. Я подписала доверенность его помощнику, Филиппу, на один день: переоформить аренду. Один день.

— Доверенность общая? — сказала я.

— Общая? — переспросила она. — Да. Там было написано «общая».

— И что было дальше?

— Дальше ателье переехало в «Катушку-Плюс». А «Катушка-Плюс» ушла в закрытый паевой фонд «Меридиан-Сервис». Я узнала об этом в июне, когда пришла платить налог за землю, а мне сказали, что земля не моя.

Я открыла папку.

Там было тринадцать листов: выписка, оценка, две копии доверенности, справка о штате и распечатка переписки, где архивный голос дважды объяснял Варваре, что «сведения о бенефициаре не раскрываются».

— Что он предлагает?

— Три с половиной миллиона и квартиру. Тридцать четыре метра, Гавриловка, оценка четыре сто.

— Он предлагает вам восемь процентов от стоимости вашего же дела, — сказала я.

— Он предлагает мне восемь процентов и говорит, что это щедро, — сказала Варвара. — И говорит, что я подписала всё сама.

Она не плакала. Она сидела прямо и держала руки на коленях, и я видела, что они у неё в мелких шрамах — от игл, от ножниц, от десяти лет работы руками.

В приёмной Ника включила чайник. Зоя Ильинична что-то говорила ей про капусту.

Я позвала Асю.

Ася Каримова пришла через минуту, с ноутбуком и без приветствия, потому что приветствия она не тратит.

— Подними «Меридиан-Сервис», — сказала я.

— Уже, — сказала Ася. — Я с утра подняла, когда запись в журнале увидела. Управляющая компания «Вектор-Реестр», бенефициар закрыт, в реестре пайщиков одна строка: «А. А. Кольцов».

Она повернула экран ко мне.

Я смотрела на эту строку и не чувствовала ничего, кроме счёта. Сорок два миллиона. Восемь процентов. Три с половиной. Сорок один день до того, как мы останемся без денег. Сто восемьдесят тысяч ставки и двенадцать процентов от результата: если мы выиграем, это пять миллионов сорок тысяч в бюро, и мы будем платить аренду до весны.

Лиза Островская прошла мимо кабинета с распечаткой и, не останавливаясь, положила её на край стола.

— Это по Зотовой, — сказала она. — Алименты, я посчитала: платит ровно сорок процентов от того, что должен. У меня сорок минут до звонка, я потом зайду.

Она ушла. Через четыре минуты позвонила Соня Гурова и сказала без приветствия:
— Я на выезде, приём перенесли, буду к двенадцати. Срочное есть?

— Пока нет.

— Ещё как срочное, — сказала Соня и отключилась.

Римма Берестова заглянула в кабинет, глянула на экран, глянула на Варвару и сказала мне:

— Ты её ненавидишь.

— Да, — сказала я.

— Это не повод брать дело.

— Это повод взять его и выиграть, — сказала я.

Римма хмыкнула и ушла к себе. Она тридцать лет проработала государственным регистратором, и она единственная в бюро, кто может сказать мне такое в лицо; остальные говорят это про себя.

Я перевела взгляд на Варвару.

— Наши условия. Сто восемьдесят тысяч ставка, двенадцать процентов от результата. Нет результата — нет процента. Мы не обещаем вам победу, мы обещаем работу. И ещё одно: я не буду с вами любезничать. Если вы мне соврётё хоть в одной мелочи, я узнаю, и дело закрою в тот же день.

— У меня есть шестьдесят тысяч, — сказала Варвара. — Машину продала.

— Шестьдесят сейчас, сто двадцать до двадцатого числа. Остальное — из результата.

Она вынула из сумки конверт, тугой, из тех, в которых носят не письма, и положила на стол.

— Он сказал, вы не возьмёте, — сказала она.

— Кто?

— Артур. Он сказал: «Кира не возьмёт, у Киры принцип».

Я положила конверт в ящик стола и сдвинула на край стола стеклянное пресс-папье — подарок Артура, которое держит бумаги ровно двадцать лет и которое я до сих пор не выбросила зачем-то.

Он знал, что она придёт. Он узнал про ателье, женился на нём, выждал полтора года, переписал и теперь женился на чём-нибудь следующем — и всё это время знал, что в один прекрасный день она придёт ко мне, потому что больше ей идти некуда.

— Я беру дело, — сказала я. — И не потому, что вы просите.

Шестьдесят тысяч в ящике, двести четырнадцать на счету. Двести семьдесят четыре. Пятьдесят два дня вместо сорока одного. Я считала это так же, как считала восемь процентов и сорок два миллиона: для того, чтобы не думать о том, что она сидит напротив.

Ника принесла чай. Ася уже печатала запрос в реестр. Римма у себя читала выписку и качала головой.

А я смотрела на строчку «А. А. Кольцов» и считала: сорок два миллиона, восемь процентов, десять лет чужой работы, сорок один день до пустой кассы и тринадцать листов в папке, из которых ровно один был настоящим доказательством.

Глава 2. Человек с той стороны

От двери до стола Артура Кольцова одиннадцать шагов. Я считаю их каждый раз, когда приезжаю на дачу, и каждый раз выходит одиннадцать: кабинет на втором этаже, окно в сад, на столе лампа, блокнот и папка, которую я привёз.

Тринадцатое сентября, пятница, десять вечера. За окном сад, в саду фонари, поставленные так, чтобы свет падал на дорожку, а не на дом. Кольцов любит, чтобы дорожка была светлой.

Филипп Дорохов принёс вторую папку и поставил её рядом с первой, строго параллельно краю стола.

— Артур Аркадьевич просил передать, — сказал он. — Здесь материалы по объекту и справка по управляющей компании. Он просил обратить внимание на третий лист.

— Спасибо, Филипп.

— Он также просил передать, что спустится через десять минут и что вы можете не дожидаться.

— Я подожду.

Дорохов вышел. Он всегда говорит чужими словами и никогда не садится без приглашения; я четыре года наблюдаю, как он это делает, и до сих пор не решил, восхищает меня это или нет.

Я открыл вторую папку.

Первый лист — справка по ателье: две точки, двадцать восемь человек, выручка за восемь месяцев, оценка мая — сорок два миллиона. Второй — выписка из реестра по закрытому паевому фонду «Меридиан-Сервис», одна строка в реестре пайщиков, фамилия мне известная. Третий — отдельный лист, без шапки, без подписи, напечатанный на принтере, который Кольцов меняет каждые полгода: список из трёх фамилий.

Мещерякова Кира Андреевна. Дальше две другие, обе мне знакомые, обе из тех, кто берёт дела с гарантией и не доводит их до подписанного соглашения.

Я смотрел на первую строчку ровно четыре секунды — я умею считать время без часов, это осталось от прежней работы, — потом закрыл папку и открыл её снова.

«Меридиан-Сервис».

Я ищу эту компанию четыре года. Не компанию даже — имя, которое стоит в цепочке за ней, потому что сам «Меридиан» пустой: управляющая компания, реестродержатель, ни одного актива на балансе, ни одного человека в штате. Четыре года назад, в ноябре, через эту пустоту прошёл документ, подписанный именем Юрия Валерьевича Мельгунова, — и с тех пор я ищу, кто его подписал. Третьего ноября две тысячи двадцатого года, в девятнадцать сорок, Юрий Валерьевич умер. Мне сообщили на следующий день.

Он звонил мне за два дня. Я был на выезде, в другом городе, и не взял трубку, потому что шёл опрос. Потом перезвонил — не взял уже он. Я узнал всё вечером пятого числа, когда стало некому звонить.

Инфаркт. Шестьдесят один год. Врач сказал, что если бы на час раньше... — врач не говорил ничего такого, врач говорил про анамнез и про то, что возраст такой. Я потом поднял карту и посчитал: от первого звонка до остановки сердца — сорок минут. Я мог успеть.

Я не успел.

Кольцов вошёл без стука, как всегда. Сел. Положил руки на стол — ладони вниз, пальцы вместе, я это запомнил на первой же нашей встрече четыре года назад, когда он закрыл за сорок минут вопрос, который проверка собирала восемь месяцев.

— Прочитали? — спросил он.

— Прочитал.

— Что скажете?

— Скажу, что вы оцениваете риск юриста раньше, чем риск сделки. Третий лист сделан до того, как она к кому-либо пошла.

Он наклонил голову — не кивнул. Наклонил: медленно, вежливо, как человек, который слушает очень внимательно.

— Вы всегда так делаете, — сказал он. — Поэтому я вас и держу.

— Поэтому вы меня и держите.

— Мне нужно знать, к кому она пошла, — сказал Кольцов. — И если она ещё ни к кому не пошла, мне нужно, чтобы до понедельника не пошла. Неделя. Двести пятьдесят тысяч.

Десять его часов. Он платит мне своими часами, и я считаю их так же, как шаги: двести пятьдесят тысяч — это десять часов Артура Кольцова, и это ровно столько, сколько стоит один его разговор с регистратором, в котором он не повышает голос.

— Почему вы не сделаете это сами? — спросил я.

— Потому что она меня не примет.

— Она примет любого, кто принесёт деньги.

— Не мои. — Он помолчал. — Кира Мещерякова — единственный юрист в этом городе, который не продаст мне результат. Я знаю это точно. Я четыре года назад был на ней женат.

Вот оно.

Я положил телефон на стол экраном вниз — привычка, которая стоила мне одного разговора и спасла тридцать, — и посмотрел на него.

Он боится не заявления. Он боится её. И это личное, а личное он умеет прятать лучше всех, кого я видел. Не голосом и не словами. Тем, что он вообще об этом сказал. Кольцов никогда не объясняет мотивов. Кольцов объясняет мотивы, когда они уже не имеют значения, — значит, имеют.

— И ещё, — сказал он. — Если она возьмёт дело, мне нужно знать об этом раньше, чем она подаст заявление. На один день раньше.

— На один день, — повторил я.

— Да.

— А если я скажу вам, что она уже взяла?

Он улыбнулся.

— Тогда я скажу вам, что вы опоздали на два часа, и заплачу вам всё равно. Я плачу за правду, Рощин. Даже когда она мне не нравится.

Он встал, подошёл к окну, постоял, глядя на свою светлую дорожку.

— Вы знаете, в чём разница между вами и мной? — сказал он, не оборачиваясь. — Вы ищете виноватого. А я считаю, что виноватых нет, есть условия. Брак — это сделка. Сделка — это условия. Человек, который не прочитал условия, не обманут, он просто не старался.

— Юрий Валерьевич прочитал, — сказал я.

Кольцов обернулся. Секунду — я считал — в кабинете было тихо, только внизу кто-то закрыл дверь в кухню.

— При чём здесь Мельгунов? — спросил он.

— Ни при чём, — сказал я. — Я к слову.

— Не ко слову, — сказал он мягко. — Но я принимаю.

Он сел снова, подвинул ко мне блокнот.

— Работайте. Неделя. И, Рощин...

— Да.

— Не подписывайте ничего, чего вы не читали. Вы же знаете, что я вас уважаю именно за это.

Я вышел в одиннадцать вечера. Дорохов ждал внизу с ключами от калитки и сказал, что машину подадут; я сказал, что пройду. Прошёл до шоссе пешком, сорок минут, и всё это время держал в голове один список из трёх фамилий.

Первую я сфотографировал в кабинете, без вспышки, двумя кадрами — целиком и крупно, чтобы было видно, как напечатана буква «щ»: принтер Кольцова её сдваивает, и это единственный способ доказать, что лист вышел из его кабинета. Фотографировать без вспышки я научился на выемках, когда свет значит, что тебя видят. Два кадра на телефон, потом в облако, потом — ничего. Телефон экраном вниз.

В машине я открыл выписку по «Меридиан-Сервису» и прочитал её третий раз за четыре года.

Ничего нового. Управляющая компания «Вектор-Реестр», бенефициар закрыт, дата регистрации фонда — февраль. Передача актива — ноябрь, и дата в договоре стоит пятым числом.

Пятое ноября. Мельгунов умер третьего.

Я не спал до трёх. В три позвонил человек, которого я четыре года назад попросил поднять архив выписок за тот месяц, и сказал, что нашёл ещё две цепочки, обе ведут в одну сторону, и что он вышлет мне их в понедельник. Я поблагодарил и лёг, и лежал час, глядя в потолок и считая шаги от двери до стола: одиннадцать, одиннадцать, одиннадцать.

Утром я позвонил ей.

Было девять сорок, суббота. Я набрал номер из третьего листа, тот, который шёл первым в списке, и ожидал гудков, но она сняла после первого.

— Мещеракова.

— Данила Рощин. Я работаю у Артура Кольцова.

— Я знаю, — сказала она. — Я ждала, что вы позвоните. Думала, сегодня или в понедельник.

Она не спросила, откуда у неё мой номер, и не спросила, зачем я звоню. Она только уточнила срок, и я понял, что она считает меня так же, как я считаю её, — дело не во мне, дело в том, что я элемент расклада, а она уже знает расклад.

— Мне нужно с вами встретиться, — сказал я.

— Где вы?

— Сорок первый километр Старого шоссе.

— Это далеко. — Пауза, короткая, в две секунды, я считал. — Набережная, десять часов. Там, где баржи стоят. Я буду в сером пальто, потому что других у меня нет.

— У вас есть серое пальто, — сказал я.

— Откуда вы знаете?

— Я его видел. Четыре года назад, на лестнице в службе регистрации. Вы тогда несли папку и держали её двумя руками.

Она помолчала.

— Десять часов, — сказала она и отключилась.

Набережная. Десять утра, суббота, ветер с реки, тот самый, который приходит в сентябре рано и срывает с деревьев листья, ещё зелёные. Я пришёл за семь минут и встал у парапета, лицом к воде, спиной к дороге, — привычка, оставшаяся от наружного наблюдения: если ты ждёшь человека, лучше, чтобы он подошёл со спины, а ты всё равно увидел его в отражении стекла.

Она пришла ровно в десять. Серое пальто, короткие ногти, карандаш за ухом, в руке — стакан кофе, из которого она не пьёт.

— У вас две минуты, — сказала она.

— У меня их будет больше.

— Это как посчитать. У меня в одиннадцать встреча с оценщиком, и я не собираюсь её переносить. И ещё: я не буду с вами здороваться за руку. Мы не знакомимся, мы выясняем, можно ли вместе работать.

— Хорошо, — сказал я. — Тогда сразу. Ваше ателье стоит не сорок два миллиона.

Она повернулась ко мне — быстро, всем корпусом, и кофе в стакане качнулся, но не пролился: у неё была крепкая рука.

— Тридцать один, — сказал я. — Майская оценка делалась по выручке, которую рисовали полгода, чтобы продать бизнес мужу. Реальная стоимость — тридцать один, если считать по оборудованию, обучению и двум точкам. Тридцать четыре, если считать клиентскую базу, но база не оформлена, поэтому в оценке она ничего не стоит.

— Вы считали?

— Я считал четыре дня. С того момента, как увидел справку.

Она смотрела на воду.

— Зачем? — спросила она.

— Затем, что если вы пойдёте к регистратору с цифрой сорок два, вас разобьют на оценке. А если с тридцать одним — вы получите приостановление регистрации. Разница в две недели и в одном отказе регистратора.

— Вы работаете на Артура, — сказала она. — И вы сейчас объясняете мне, как выиграть у Артура.

— Да.

— Почему?

— Потому что я хочу, чтобы вы взяли это дело.

Она наконец сделала глоток кофе. Ветер тянул с реки, листья шли по набережной ровной плотной полосой, и гнал их в одну сторону.

— Сколько? — спросила она.

— Двести пятьдесят тысяч в месяц. Фикс. Без процента.

— Моё бюро платит сто восемьдесят тысяч ставки и двенадцать процентов от результата. У меня на счету двести семьдесят четыре тысячи, из них шестьдесят — деньги клиентки. Сорок один день до того, как мне будет нечем платить аренду. Я вам не заплачу двести пятьдесят.

— Заплатите сто восемьдесят, — сказал я. — И двенадцать процентов, если выиграем. Мне не нужны ваши деньги.

— Чего вы хотите?

— Я хочу одну выписку. — Я повернулся к ней. — Управляющая компания «Вектор-Реестр», закрытый паевой фонд «Меридиан-Сервис». Мне нужна полная выписка из реестра за ноябрь две тысячи двадцатого года. Не за май. За ноябрь.

Она подняла глаза. И вот тут я увидел то, что Кольцов имел в виду, говоря, что она не продаст результат: она не удивилась. Она посчитала.

— Почему за ноябрь? — спросила она.

— Потому что в мае там ничего нет, — сказал я. — А в ноябре есть.

— Вы знаете, что там.

— Знаю.

— И не скажете.

— Скажу, — сказал я. — Но не сейчас. Сейчас вы должны решить, берёте ли вы меня, не зная. Это ровно то же, что вы вчера сказали Варваре Кольцовой: я не обещаю победу, я обещаю работу.

Она смотрела на меня ещё четыре секунды. Я считал.

— Понедельник, — сказала она. — Десять утра. Вы приносите список того, что вам нужно, и подписываете соглашение о неразглашении. Если я хотя бы раз увижу, что вы пере-

дали Артуру то, чего я вам не показывала, — я не буду вас увольнять. Я просто отдам ваше имя регистратору вместе с заявлением о подлоге документа. Ваше прошлое дело я найти успела.

Дело. Четыре года назад служебная проверка, по которой меня не уволили, потому что состава не было, — и потому что один очень занятой человек позвонил одному очень занятому проверяющему.

— Успели, — сказал я.

— Да, — сказала она. — Я четыре года ждала, когда вы мне позвоните. Вы думали, это вы меня нашли?

Она поставила стакан на парапет, развернулась и пошла к машине, коротко и ровно, как ходят люди, которые знают, сколько у них времени.

— Понедельник, десять, — сказала она, не оборачиваясь.

А я стоял у парапета и думал не о ней и не о Кольцове, а о дате, которую она ещё не видела: пятое ноября, третье ноября, сорок минут, которых у Юрия Валерьевича Мельгунова не было, потому что я не взял трубку.

Глава 3. Сделка

Шестнадцатое сентября, понедельник, без десяти десять.

Ника положила передо мной журнал — раскрытый, с линейкой, как закладкой.

— Одиннадцать фамилий на неделю, — сказала она. — Мы возьмём три.

— Почему три?

— Потому что у нас четыре человека в штате и одиннадцать фамилий. Из них четыре — срочные, и две из этих четырёх мы взять не можем: там дети, вы же знаете правило.

— Знаю.

— Остальным семи я отказываю, — сказала Ника. — Мне тяжело отказывать. Они все говорят одинаково: «я больше никуда».

— Отказывай мягко, — сказала я. — И записывай, кому отказала. Через полгода вернёмся к списку.

Она кивнула и ушла. Я посмотрела на журнал: одиннадцать фамилий, семь отказов. Я не читала их, я читала цифру — одиннадцать приходящих в неделю против трёх, которых мы можем взять, — и понимала, что список никуда не денется, потому что женщин, которым больше некуда, всегда больше, чем рук.

В десять ровно в приёмную вошёл Данила Рошин.

Серый свитер, тот же, что на набережной. В руке — тонкая папка и список на одном листе, отпечатанный на принтере, который не сдваивает букву «ш».

— Вы принесли список, — сказала я.

— Принёс. — Он положил лист на стол. — Здесь шесть позиций. Пять из них — документы, которые у вас уже есть. Шестая — то, чего у вас нет.

Я прочитала.

Выписка из реестра по «Катушка-Плюс» за восемнадцать месяцев. Договор аренды обеих точек. Штатное расписание. Отчёт об оценке мая с приложениями. Копия доверенности, которую Варвара подписала Филиппу Дорохову. И шестая позиция: полная выписка из реестра по закрытому паевому фонду «Меридиан-Сервис» за ноябрь две тысячи двадцатого года.

— Шестая недоступна, — сказала я. — Паевые фонды не раскрывают бенефициара. Мы уже пробовали в июне, нам прислали вежливый отказ.

— Мне не нужен бенефициар, — сказал Данила. — Мне нужна дата.

— Какая дата?

— Та, которая стоит в реестре напротив строки о передаче актива.

Я посмотрела на него. За спиной у Ники включался чайник, из ателье на первом этаже пахло крахмалом, и в этом запахе было что-то успокаивающее: внизу глядят чужое бельё, кому-то станет легче через двадцать минут.

— Ася, — позвала я.

Ася Каримова пришла с ноутбуком и, не садясь, поставила его на край стола.

— «Меридиан-Сервис», — сказала я. — Что есть?

— Управляющая компания «Вектор-Реестр», — сказала Ася. — Фонд зарегистрирован в феврале, реестродержатель тот же «Вектор», активов на балансе нет, в штате ноль человек, отчётность сдаётся регулярно и пустая. Бенефициар закрыт. Пайщик один, фамилию видите.

— Вижу.

— Я вчера копала глубже, — сказала Ася. — «Вектор-Реестр» сидит на трёх фондах, и все три пустые. Но у них есть архивный домен, который не чистили четыре года. Я подняла кэш: там семьдесят писем, из них сорок — с одного адреса.

— Чьего?

— Мельгунов. — Ася повернула экран. — Юрий Валерьевич Мельгунов, четырнадцать писем за два месяца, все в октябре две тысячи двадцатого, все с вопросом об одной и той же оценке. Он спрашивал, сколько стоит его доля, если её вывести. Ему отвечали шаблоном.

Я посмотрела на Данилу.

Он стоял у окна и смотрел во двор, и только во двор. И я поняла то, что поняла бы любая, кто четыре года работает с людьми: он это уже знал. Он знал про письма, знал про Мельгунова и знал про октябрь, и сейчас он ждал не новости. Он ждал, как быстро я дойду.

— Откуда у вас это имя? — спросила я.

— Из реестра, — сказал он. — Оно там есть, если искать по переписке, а не по пайщику.

— Вы искали четыре года, — сказала я. — Вы сами сказали: я ищу одну компанию четыре года. Значит, вы знали про Мельгунова до того, как пришли ко мне.

— Знал.

— И не сказали.

— Вы бы не взяли меня, если бы я сказал.

Это было честно, и именно поэтому это было плохо. Человек, который говорит правду только в тот момент, когда она ему выгодна, опаснее человека, который врёт всегда: всегда врущий предсказуем.

— Римма, — позвала я.

Римма Берестова вошла не спеша, посмотрела на лист, на Данилу, на экран.

— Пятьдесят девять мне, — сказала она, ни к кому не обращаясь. — Я тридцать лет ставила записи в реестр. Скажу то, что ты не спросишь: ты берёшь его не потому, что он лучший, а потому, что он единственный, кто знает, где искать. Это не доверие, это необходимость. Не путай.

— Я не путаю.

— Путаешь, — сказала Римма и ушла.

Данила смотрел на меня.

— Условия, — сказала я. — Сто восемьдесят тысяч в месяц. Фикс. Без процента. Срок — один месяц, продление обсуждаем. Вы подписываете соглашение о неразглашении и ещё один пункт, который я сейчас продиктую.

— Диктуйте.

— Если я установлю, что вы передали Артуру Кольцову хотя бы один документ, который я вам показала, я не расторгаю договор. Я заявляю о подлоге документа и включаю ваше имя в заявление. Вы понимаете, чем это для вас кончается.

— Понимаю, — сказал Данила. — У вас в прошлом было дело, где вы так уже сделали?

— Было.

— И чем кончилось?

— Человек потерял лицензию. — Я помолчала. — Он был невиновен в главном. Он передал одну бумагу.

Данила кивнул.

— Подпишу, — сказал он. — И добавлю один пункт от себя.

— Какой?

— Всё, что я найду, я отдаю вам раньше, чем кому-либо. Даже если найду то, что вам не понравится. Даже если найду то, что испортит ваше дело. Вы получите это первой.

— Почему вы так делаете?

— Потому что я четыре года работал на той стороне, — сказал он. — Я знаю, как выглядит человек, который узнал первым и сказал вторым.

Мы подписали в одиннадцать десять. Ника принесла два экземпляра, дала ручку, забрала ручку, ушла. Ася ушла раньше, бормоча что-то про кэш домена. Римма у себя качала головой так, что было слышно через стену.

Договор лежал на столе. Я сдвинула на край стола стеклянное пресс-папье — подарок Артура, которое двадцать лет держит бумаги, — и почувствовала, что считаю: сто восемьдесят тысяч, месяц, пять позиций, шестая недоступная, сорок один день, из которых прошло два.

— Покажите схему, — сказала я.

Данила взял карандаш — мой, из-за уха, я не успела остановить его — и на обороте своего списка нарисовал четыре прямоугольника.

— Ателье, — сказал он. — «Катушка», две точки, всё, что вы видите. Сначала оно переезжает в «Катушку-Плюс», это общество с ограниченной ответственностью, где Варвара — директор и единственный участник.

— Пока её.

— Пока её. Дальше доля в «Катушка-Плюс» передаётся в закрытый паевой фонд «Меридиан-Сервис» — как вклад в имущество фонда. Передача оформлена договором, который подписан от имени Мельгунова.

— Кто такой Мельгунов для этой схемы?

— Собственник «Меридиана», — сказал Данила. — Формально. Владел им восемь лет, был человек старой закалки и верил, что фонд — это про инвестиции. Дальше: после передачи доли фонд получает актив, «Вектор-Реестр» переписывает пайщика, и пайщиком становится Артур Кольцов.

— Через сколько?

— Через три месяца после подписи. Февраль две тысячи двадцатого — регистрация фонда. Октябрь — Мельгунов оценивает свои паи и договаривается о продаже Кольцову: он ещё жив и подписывает сам. Ноябрь — ателье уходит в фонд по бумаге, которую за Мельгунова подписал кто-то другой. Февраль двадцать первого — Кольцов зарегистрирован пайщиком, и ателье к тому времени уже лежит в фонде. Узнала она в июне нынешнего года, когда пришла платить налог за землю.

Я смотрела на четыре прямоугольника и считала шаги, которые сделал Артур: жениться, выждать четыре месяца, попросить доверенность на один день, переписать, выждать три месяца, стать пайщиком, подать на развод, предложить восемь процентов. Восемь лет Мельгунов владел фондом, десять лет Варвара строила ателье, пять лет она была замужем. Все три числа сошлись в один день.

— Доказательства, — сказала я.

— Доверенность. Общая, на один год, подписанная Варварой. Она позволяет переоформить аренду, но не передать долю в фонд: для этого нужна специальная, с прямым указанием полномочия. Её нет. Значит, сделка выходит за пределы полномочий.

— Это первый слой.

— Первый. Второй найдём в выписке за ноябрь.

— Которой нет.

— Которая есть, — сказал Данила. — У реестродержателя хранится журнал регистрации изменений. Бенефициара он не раскрывает. Зато обязан выдать выписку по запросу заинтересованного лица. Мы запросим. Пока у меня есть кое-что другое.

Он положил на стол вторую папку, тонкую, и открыл её.

— Это копия, — сказал он. — Оригинал у нотариуса, я его не брал. Я её снял четыре года назад, когда работал на другую сторону.

На листе был договор. Передача доли в уставном капитале общества «Катушка-Плюс» в качестве вклада в имущество закрытого паевого инвестиционного фонда «Меридиан-Сервис». Стороны: Мельгунов Юрий Валерьевич и общество. Подпись — размашистая, с длинным росчерком, от руки, не факсимиле.

Я читала договор так, как читают договоры: с конца. Реквизиты, подписи, дата.

Пятое ноября две тысячи двадцатого года.

Пятое ноября.

Я посмотрела на Данилу. Он стоял прямо, руки вдоль тела, и смотрел на лист так, как смотрят на то, что видели уже сто раз и что каждый раз болит одинаково.

— Вы знаете, когда умер Юрий Валерьевич Мельгунов, — сказала я.

— Знаю.

— Когда?

— Третьего ноября две тысячи двадцатого года, в девятнадцать сорок. — Он не отвел глаз. — От обширного инфаркта. Больница на окраине, в сорока минутах от города. Он поступил в девятнадцать двадцать.

Воздух в кабинете стал очень тихим. Внизу, в ателье, кто-то включил пресс, и звук пошёл ровный, как у машинки.

Третьего ноября, девятнадцать сорок. Пятого ноября подпись. Два дня разницы. Человек, который умер третьего, не мог подписать бумагу пятого — и это уже не раздел имущества, не выход за пределы полномочий и не оценка бизнеса. Это ничтожная сделка, подписанная мертвецом, и тот, кто её представил, знал, что подписывает чужой рукой.

— Кто подписал? — спросила я.

— Не знаю, — сказал Данила.

— Вы знаете, что он был мёртв. Вы знаете дату смерти с точностью до минуты. Вы четыре года искали эту компанию. И вы не знаете, кто подписал?

— Не знаю.

Он не врал. Я умею слышать, когда человек подбирает слова, — здесь он их не подбирал, он их уже подобрал четыре года назад и с тех пор повторяет одно и то же.

— Ася, — сказала я, не повышая голоса. — Смерть. Свидетельство о смерти Мельгунова Юрия Валерьевича, ноябрь две тысячи двадцатого. И журнал регистрации изменений по «Меридиан-Сервису» — запрос регистратору, сегодня же.

— Уже, — сказала Ася от двери. Она стояла там и слушала, и я не спросила, сколько она слышала.

— И ещё, — сказала я. — Почерковедческая экспертиза. Нам нужен образец почерка Мельгунова за октябрь и ноябрь.

— Будет, — сказала Ася и ушла.

Данила положил руку на папку — не забрать, а прикрыть, — и убрал её.

— Кира Андреевна, — сказал он.

— Да.

— Вы понимаете, что это значит?

— Это значит, что я не прошу никого делить имущество. Я заявляю, что сделки не было вовсе: кто-то подписал бумагу за человека, который два дня как лежал в земле, принёс её в реестр и четыре года спал спокойно.

— И что тот, кто подписал, — сказал Данила, — четыре года знал, что это единственное, чего нельзя поправить. Опечатку в дате можно объяснить. Мёртвую подпись — нельзя.

Я сдвинула пресс-папье на край стола и положила на него договор, копию, которая стоила сорок два миллиона и стоила человеку четыре года жизни, потраченной на то, чтобы дойти до этой строчки.

— Дайте мне час, — сказал Данила.

— Зачем?

— Мне нужен час один. С копией и с вашим доступом к реестру. Я ничего не вынесу, можете обыскать меня на выходе.

— Я не буду вас обыскивать. Я поставлю Нику в приёмную, и она запишет, когда вы вошли и когда вышли. И я оставлю камеру.

— Хорошо.

— И ещё одно. — Я подняла глаза. — Вы скажете Артуру, что я взяла это дело.

— Скажу. Сегодня.

— Что именно?

— Что вы взяли дело и что вы хороший юрист. И не скажу, что мы нашли дату: если скажу, он уничтожит оригинал за два дня, а оригинал у нотариуса, и у меня только копия, снятая до того, как я узнал, что в ней главное.

Вот она, цена. Он отдаёт мне не свою лояльность — он её не отдал, и я этого не просила. Он отдаёт мне один день тишины, и за этот день он платит тем, что завтра впервые за четыре года скажет Артуру Кольцову не всю правду.

Я посмотрела на часы. Одиннадцать сорок семь. До рассмотрения заявления о приостановлении — три рабочих дня, если мы подадим завтра. До того, как Артур узнает, — один вечер. До того, как оригинал исчезнет, — столько же, сколько нужно человеку, чтобы доехать от бизнес-центра «Парус» до нотариальной конторы на окраине.

— Час, — сказала я. — Ника запишет время.

Он взял папку, пошёл к двери и остановился.

— Вы спросили в субботу, почему за ноябрь, — сказал он, не оборачиваясь. — Вот почему. В мае там ничего нет.

— В ноябре есть, — сказала я.

— В ноябре есть всё.

Он вышел. Ника записала время в журнал, туда же, где лежали одиннадцать фамилий на неделю и семь отказных разговоров.

А я сидела и смотрела на дату, напечатанную ровным канцелярским шрифтом, и считала: третье ноября, девятнадцать сорок, пятое ноября, сорок два миллиона, десять лет чужой работы, тридцать девять дней до пустой кассы — и два дня, отделяющие подпись от смерти, в которые и поместилось всё дело.

Глава 4. Ставка

Семнадцатое сентября, вторник, половина одиннадцатого утра. Сорок минут от города по Старому шоссе, потом поворот на грунтовку, которую чинили в августе и бросили недоделанной.

Нотариальная контора Руслана Васильевича Хмелёва помещалась в бывшем сельсовете: два этажа, белая штукатурка, на двери табличка, на окнах решётки, которые поставили в девятые и не снимали, потому что привыкли. Внутри пахло бумагой и осенними яблоками: у секретаря на подоконнике стояла банка с вареньем, закрытая марлей.

Хмелёв вышел сам, без секретаря. Шестьдесят один год, серая тройка, которую он носит лет двадцать, руки чистые, ногти ровные.

— Данила Сергеевич, — сказал он. — Я вас ждал. Садитесь.

— Вы меня ждали?

— Вторник, утро, человек приезжает за сорок километров без записи. Я на приёме тридцать лет. Я всегда жду.

Он сел напротив, положил руки на стол — ладони вниз, пальцы вместе, — и я вдруг увидел Кольцова, и это было неожиданно и неприятно, потому что жест у них был одинаковый, а люди они разные, и я понял, что жест этот не про характер. Он про привычку сидеть за столом, на котором решают чужие доли.

— Я не буду задавать вам вопросов, на которые вы не ответите, — сказал я. — Я задам один, и вы на него ответите, потому что ответ вам ничего не стоит.

— Задавайте.

— Договор о передаче доли в обществе «Катушка-Плюс» в качестве вклада в имущество закрытого паевого фонда «Меридиан-Сервис», датированный пятым ноября две тысячи двадцатого года, принят вами на хранение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.